

LYUBLINSKY Victor Victorovich, Dr.Sci. (Pol.Sci.), Chief Researcher of Sociological Institute – branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (bld. 5, 24/35 Krzhizhanovskogo St, Moscow, Russia, 117218; lyubl.victor@yandex.ru)

IS THE NATURE OF SOCIAL POLICY CHANGING IN THE CONDITIONS OF THE NETWORK SOCIETY?

Abstract. The article considers the influence of the network society on social policy. The development of the network society generates serious social problems. Under the influence of new technologies, there is a profound restructuring of employment sphere. Workers of mass professions, a significant part of the traditional middle class are at risk. The growing category of fixed-term contract workers and temporary workers find themselves in a very vulnerable position. At best, they are only partially covered by social protection. In fact, it does not apply to workers of network virtual activities and platform network structures. In addition, it is unlikely that these problems will be solved soon. Under these conditions, the growth of social inequality and poverty may be inevitable. Meanwhile, the current model of social policy is not keeping pace with the transformation process. It was formed at the time when society was dominated by another model of development based on less advanced technologies. According to the new political approach, social policy should solve a minimum range of problems and should be less expensive. Hence, there is a real threat that the welfare state may not be able to fulfill social obligations at the level to which most citizens are accustomed. Moreover, all countries covered by the process of networking are at risk, including Russia.

Keywords: network society, new technologies, network platform, social policy, employment, distribution, welfare, inequality, social equilibrium

---

ЗЕЛЕНКО Борис Иванович – доктор политических наук, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5; b.i.zelenko@rambler.ru; isras@isras.ru)

ШИМАНСКАЯ Эльвира Степановна – старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5; elvira.shimanskaya@mail.ru; isras@isras.ru)

О ПОЛИТИЧЕСКОМ СМЫСЛЕ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ (ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ)

Аннотация. Статья посвящена ренессансу теории политической интенциональности (интенции) о привнесении политического смысла в социальные сети. Обосновываются следующие проблемы: актуализация когнитивного подхода в этой сфере – политическая интенция в основе сетевого политического смысла; заложенное ею формирование политической идентификации для трансформации сетевого субъекта в политического актора; воспитание политической культуры как ментальная задача и др.

Ключевые слова: политическая и политизированная интенциональность (интенция), политическая идентичность, информационность, коммуникативность

Складывающиеся политические отношения в социальных сетях детерминированы взаимодействием традиционных и сетевых форм в политике. Отсюда их аналитика обусловлена природой и характером данного взаимодействия, т.е. требуется выяснить, когда эти отношения наделяются политическим смыслом, а сетевой социум становится политическим субъектом.

В литературе [Михайлов 2015] давно уже констатируется, что сетевая парадигма есть трансдисциплинарная методология, применяемая в исследовании общественного сознания и общества в целом. Она не является философской теорией в строгом смысле, поэтому ее зачастую рассматривают как нестандартную стратегию концептуального анализа. Как следствие, отсутствуют четкие представления о субъектно-объектной детерминации политики внутрисетевого социума. Отношения в виде сетевых субъекта-объекта и субъекта-субъекта в политическом опосредовании размыты и не сфокусированы.

Например, это можно видеть в отношениях субъекта (сетевой человек, сетевой социум, «нетократия», «консьюмериат» и др.) и объекта (традиционный социум, власть, информационность, коммуникативность, и т.д.), т.е. вопрос, когда сетевой индивид становится политическим субъектом внутри сети, остается без внятного ответа.

В какой-то степени попытка трансляции политических импульсов внутри сетей и вне их в политологии обозначена. Утверждается, что «дискурсивные практики сетевых онлайн-сообществ и гражданской журналистики проникают в глубины социальных структур, превращая индивидуальных акторов локальных сообществ в носителей “новых фреймов” гражданского участия, что ведет к актуализации сетей гражданской мобилизации и ризомной самоорганизации. Возникновение сетевых онлайн-сообществ способствует усложнению сетевого ландшафта российской публичной политики, где все ландшафтные звенья, существующие в различных темпоральных режимах, начинают взаимодействовать на основе сетевой коммуникации, что способствует разгерметизации закрытых сетевых структур и их включению в производство общественных благ и гражданского партнерства» [Мирошниченко 2013].

Корреляция сетевого дискурса с гражданской журналистикой в «политтворении» сетевого ландшафта преувеличена. Профессиональная противоречивость журналистского корпуса, носящая зачастую неконформистский характер, — свидетельство этому. Вывод же о «разгерметизации» закрытых сетей вообще абстрактен и далек от эвристического наполнения.

Эвристика же нацеливает на обращение к феноменологии, где существует определенная методология, вытекающая из теории интенциональности. Развитие понятия «интенциональность» (интенция) фиксируется в феноменологической традиции от Brentano через Husserl и Heidegger к Sartre и Merleau-Ponty. Интенциональность — философское понятие, означающее центральное свойство человеческого сознания — быть направленным, действующим на некий объект. При этом создается смыслоформирующее отношение субъекта к объекту.

Интенциональность — это акт придания объекту смысла, в нашем случае — политического. Имеется в виду привнесение политического смысла в сетевые отношения. Здесь можно говорить о наметившемся в последнее время некоем ренессансе.

Вопросы конституирования политической интенциональности находятся в поле зрения современных феноменологов. Так, в Центре гуманитарных технологий известными философами П.И. Гайденко, С.С. Неретиной, Е.В. Востриковой, Н.В. Мотрошиловой подготовлена электронная публикация «Интенциональность», защищена диссертация Н.А. Бондаренко «Интенциональность социального поведения как философская проблема» и т.д. По теоретическим воззрениям к ним примыкает исследование, проведенное А. Пятигорским. По его мнению, именно методологическая зыбкость и теоретическая слабость современного политического мышления определяет характер текущей политической жизни [Пятигорский 2010].

Исходя из идеи универсальности политики и критикуя нынешнюю ситуацию, А. Пятигорский обоснованно считает необходимым использование центрального понятия классической феноменологии — понятия интенциональности. Политическая интенциональность как уже готовая направленность индивидуального мышления на все — как на политику, так и на себя самое — оказывается определяющей. Это подготовило политическое мышление к универсализации смысла как политического, что является решающим моментом в неразвитом нерелексивном мышлении среднего политического индивида. Чрезвычайно трудным оказывается переход от политического мышления отдельного субъекта к intersubъективному (коллективному) политическому мышлению и наоборот. Эти переходы в мышлении происходят по сложным правилам смены одного состояния сознания на другое, одной практической ситуации — на другую, а иногда даже одного типа мышления — на другой [Пятигорский 2010].

Иначе говоря, феноменология политической интенциональности требует соответствующего современного когнитивного подхода. Научная интерпретация в этой области специфична своей утилитарностью. Речь зачастую идет о смысле политического воздействия в сетях или вне их в узко технологическом плане. Исключением является вывод, который содержится в упомянутой работе Н.А. Бондаренко: именно интенциональностью обусловлена такая особенность социально-политической жизни, как «объяснимость человеческого действия». В современных российских реалиях происходит дефеноменологизация — кризис индивидуального и общественного сознания, выраженный в утрате рефлексивно-смысловых интенций. Фрустрация, парадоксы и противоречия общественно-политического сознания являются проявлением глубинных деструктивных процессов. Выход из кризиса смысла, в частности политического, возможен лишь как результат интенционального приобщения к истокам культуры вообще и политической культуры в частности [Бондаренко 2010].

Согласимся с Н.А. Бондаренко в том, что конкретно-исторический характер интенционального поведения состоит в мотивационной обоснованности жизненного мира личности. Интенциональность в системе необходимых качеств социальности как таковой ведет к оправданности социального, а в нашем случае — политического поведения. Автор констатирует синтез двух когнитивных парадигм — аналитической философии и феноменологической социологии. Сочетание последних способствует раскрытию интенциональности социального поведения, что свидетельствует об эвристических и универсалистских потенциях эпистемологической и методологической парадигм.

Для нас это существенно, поскольку осознание значимости политического смысла в социокультурной динамике привело к функционалу политической социологии и политической философии именно в коммуникативном плане. Это создает методологические предпосылки изучения социального-политического поведения субъекта внутри и вне сетевого ландшафта.

Коммуникативное действие на основе этих парадигм приближает к пониманию «политтворения» смысла в сетевом поле. Этому способствуют модели, включающие в себя сетевые компоненты процесса выработки политики. Это, к примеру, модель открытых систем, построенная на идее «воронки причинности»; модель институционального рационального выбора; модель политических потоков в части, касающейся потока — «сообщества», описываемого в качестве сети участника выработки политики. Попытку синтеза многих идей представляет модель конкурирующих защищающих коалиций. Именно она чаще всего берется в качестве основы сетевого политического анализа.

Модели, «создающие» политику, объединены технологизмом и процедурностью. В стороне остается интенциональный контекст, интерпретирующий суть

политического смысла в социальных сетях. А без этого в них нельзя обнаружить политическую идентификацию индивида, способствующую превращению сетевого актора в политический субъект.

Феномен «идентичность» появился в политической науке в середине XX в. С этого времени можно считать, что политология находится в поиске системы координат политического самоопределения участников политического процесса. Специалисты выделяют три базовых кластера этого понятия [Тимофеев 2010]. Во-первых, политическая идентичность как совокупность политических принципов, служащих ответом на вопрос: «Кто мы?» Во-вторых, как совокупность представлений, задающих уникальную сущность государства через соотнесение со значимыми «другими» («мы – они»), через маркирование символических границ. В-третьих, как совокупность представлений о прошлом политического сообщества, об исторических событиях, значимых для граждан, и осознания ими своей политической общности.

И.С. Семененко формулирует определение политической идентичности как комплекса «идейно-политических ориентаций и предпочтений, которыми субъекты политического процесса наделяют друг друга в процессе коммуникации, и предполагает отождествление носителя политической идентичности с тем или иным политическим сообществом. Она утверждается во взаимодействии с политическими институтами и реализуется в публичной сфере» [Политическая идентичность... 2012].

В основе анализа политической идентификации рассматривается политическая культура, куда, во-первых, относятся оценки провластных институтов, норм и лиц, их представляющих [Попова 2002]. Во-вторых, в структуре наличествуют политические идентификации как ощущение сопричастности основным политическим объектам (партиям, нации, государству, политической организации, религиозному институту и т.д.). В-третьих, учитывается степень доверия (принятия) тех людей, с которыми приходится взаимодействовать в политической жизни. Далее, отмечаются нормы поведения в повседневной политической практике, зачастую расходящиеся с юридическими нормами и процедурами в политической жизни. Последняя группа включает отношения самого индивида к факту собственного участия в политике (компетентность), к оценке ее результативности (эффективного политического участия). Перечисленные элементы социальной структуры выступают агентами политической идентификации. Они призваны передавать индивиду образцы поведения, нормы и ценности, определяющие его принадлежность к тому или иному политическому сообществу.

Сказанное экстраполируется и на сетевое пространство.

Для сети политическая идентичность является одним из наблюдаемых феноменов. Проблематика политической идентичности индивида имеет непосредственное отношение к формированию социальной структуры политической коммуникации в онлайн- и офлайн-формате. От того, как себя представляют акторы, в конечном счете, зависит и смысловое наполнение деятельности виртуальных сетевых сообществ различаемыми политическими идеями [Бондаренко 2005; Михайленок, Щенина 2018].

Находясь в сетевом пространстве, индивиды постоянно подвергаются открытому и скрытому политическому воздействию с целью формирования их политической идентичности. Это воздействие представляет собой направленную политическую деятельность со стороны всех участников политического процесса, каждый из которых имеет свою аудиторию в виртуальном пространстве. Действия подобных политических акторов осуществляются как в интересах данной сложившейся политической системы, так и против нее.

Приведенный дискурс идентичности, хотя и усеченно, позволяет заключить, что формирование политической идентичности в социальных сетях заложено политической интенциональностью, привнесением политического смысла в сознание сетевого индивида.

Политическая идентичность также служит маркером политической субъектности, легитимируя ее. Другими словами, именно в этом случае происходит трансформация сетевого индивида в политический субъект как внутри сети, так и вне нее.

В данном случае политическая интенция служит для достижения субъектности политических сетей в целях институционализации из «горизонтальной» в «вертикальную», а далее — легитимации в политическом поле, т.к. традиционное общество в настоящее время отчасти делегитимировалось из-за своей сверхполитизированности. Последнего не избежали и социальные сети, развитие которых обусловлено процессами политической интенции, отличающимися своей спецификой.

Здесь имеются в виду существующие сетевые сообщества, прежде всего с политизированной интенцией. Это означает усиление влияния квазиполитического смысла во многих сферах жизни. Его функционал раскрывается через следующие нормативы: как технология и как политическая ангажированность. Под технологией подразумевается использование общественных ресурсов в политических целях, политические процедуры и т.д. Ангажированность же выступает как ретранслятор властных интересов и индикатор ожиданий электората.

Если рассматривать политическую интенцию как привнесение смысла в поведение общественных групп, то политическое в этом случае выступает как предмет общественного обсуждения и публичного столкновения интересов.

Преобладание интенциональности сетевой политизированности над политической сдерживает динамику сетевых политических отношений. Политизированность сетевого человека через его ангажированность приводит к потере политического измерения. Сетевая политизированность, заметим, ближе к сетевой пропаганде. В таком случае наблюдается сверхполитизация сетевой жизни, где отсутствует смыслообразующая интенция собственно политического. Как результат, политика трансформируется в некий симулякр.

В этом смысле ангажированность не должна перерасти в политическое, в сведение политических счетов, политическую конфронтацию и поляризацию сил. Преступая определенную грань, политизированность препятствует развитию нормальной жизнедеятельности общества.

С другой стороны, необходимо сохранять политическую интенцию там, где без нее нет развития и динамики. Это важно в условиях кризиса, когда политический смысл отсутствует, прежде всего, в представлениях нации о самой себе и собственном государстве.

Иллюстрацией этому послужили протестные движения 2012 и 2017 гг., когда преобладали политизированные смыслы, а не политические интенции. Здесь сработал технологический норматив политизированности. Ангажированность транслировала интересы сетевых лидеров, так называемой нетократии. Кто они: владельцы или пользователи каналов, блоггеры, агенты-посредники или протестные политики? Ответы находятся только в стадии формулирования, что недостаточно для научной интерпретации и аналитики.

Современное сетевое сообщество находится больше в зоне политизированной, а не политической действительности. Поэтому сетевые движения не скоро приобретут политическую интенциональность, смыслообразующее политиче-

ское воздействие в социальных сетях. Во всяком случае, для политологического анализа важно не пропустить в социальных сетях начало процесса перехода от интенции политизированного смысла к интенции политической.

Привнесение политического смысла в социальные сети – это не спонтанный процесс. Феноменология политической интенциональности требует соответствующей актуализации когнитивного подхода. Не случайно Л.В. Сморгунов, говоря о *научении* в сетях политическим знаниям, основной социальной группой будущего называет «когнитариев» [Сморгунов, Шерстобитов 2014].

Когнитивистика обращается к комплексному анализу процессов познания и формированию знания. При этом теория политической интенциональности является, во-первых, основой сетевого политического смысла, во-вторых, без нее сложно обнаружить политическую идентификацию индивида, способствующую превращению сетевого субъекта в политического актора. И главный ее функционал заключается в воспитании политической культуры как главной ментальной задачи.

Сложность здесь состоит в том, что сетевой индивид выступает в двойном статусе: как сетевой актор и как субъект традиционного общества. В сетевом сообществе отношения становятся политическими вследствие конвергенции, диффузирования и взаимодействия с традиционным обществом, его институтами и акторами. Это соотносится с фактом наделения социальных сетей политической субъектностью посредством интенции, хотя и при отсутствии в них известной институциональности.

Подчеркнем, что основным моментом сетевого анализа публичной политики является определение взаимосвязей между структурой сетевого взаимодействия и результатами выработки и принятия политико-управленческих решений.

Последние, по существу, касаются отношений по поводу власти, причем при современном противостоянии институционализированной и легитимной власти и виртуальных политических сетей.

В этом случае, как свидетельствует аналитика, политической власти будет трудно решиться на реализацию принципа разделения политических решений [Василенко 2010]. Но, как свидетельствует политическая история, ей так же трудно было решиться на использование системы разделения властей. Острый процесс перераспределения властных полномочий придется преодолеть ради эффективного функционирования политической власти в обществе.

Список литературы

Бондаренко С.В. 2005. Политическая идентичность в киберпространстве. – *Политическая наука*. № 3. С. 76–92.

Бондаренко Н.А. 2010. *Интенциональность социального поведения как философская проблема*: дис. ... к.филос.н. М. 160 с.

Василенко И.А. *Политическая философия*: учебное пособие. М.: Инфра-М. 320 с.

Мирошниченко И.В. 2013. *Социальные сети в российской публичной политике*: дис. ... д.полит.н. М.

Михайленок О.М., Щенина О.Г. 2018. Антропологическое измерение политики: новый «сетевой человек». – *Вестник Московского государственного областного университета* (электронный журнал). № 2. С. 1–14.

Михайлов И.Ф. 2015. К гиперсетевой теории сознания. – *Вопросы философии*. № 11. С. 87–89.

Политическая идентичность и политика идентичности. В 2 т. (отв. ред. И.С. Семенов). Т. 1. *Идентичность как категория политической науки*: словарь терминов и понятий. 2012. М.: РОССПЭН. 208 с.

Попова О.В. 2002. *Политическая идентификация в условиях трансформации общества*. СПб: Изд-во СПбГУ. 258 с.

Пятигорский А.М. 2010. Размышляя о политике. Доступ: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3183> (проверено 17.08.2018).

Сморгунов Л.В., Шерстобитов А.С. 2014. *Политические сети. Теория и методы анализа*. М.: Аспект Пресс. 320 с.

Тимофеев И.Н. 2010. Российская политическая идентичность сквозь призму интерпретации истории. Доступ: http://www.perspektivy.info/book/rossijskaja_politicheskaja_identichnost_skvoz_prizmu_interpretacii_istorii_2010-10-01.htm (проверено 17.08.2018).

ZELENKO Boris Ivanovich, Dr.Sci. (Pol.Sci.), Chief Scientific Officer of Sociological Institute – branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (bld. 5, 24/35 Krzhizhanovskogo St, Moscow, Russia, 117218; b.i.zelenko@rambler.ru, isras@isras.ru)

SHIMANSKAYA El'vira Stepanovna, Senior Researcher of Sociological Institute – branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (bld. 5, 24/35 Krzhizhanovskogo St, Moscow, Russia, 117218; elvira.shimanskaya@mail.ru; isras@isras.ru)

ON POLITICAL SENSE IN SOCIAL NETWORKS (INTENTIONAL CONTEXT)

Abstract. *The article is devoted to the renaissance of the theory of political intentionality (intention) on the introduction of political meaning into social networks. The authors substantiate the following problems: actualization of the cognitive approach in this sphere – political intention in the basis of the network political sense; the formation of political identification for transforming the network entity into a political actor; cultivation of political culture as a mental task, etc.*

Keywords: *political and politicized intentionality (intention), political identity, informativity, communicativity*
